

Автамонов Я.А.

**Символика растений в
великорусских песнях**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 304
ББК 60.5

Автамонов Я.А.

Символика растений в великорусских песнях / Автамонов Я.А. – М.: Книга по Требованию, 2011. – 108 с.

ISBN 978-5-4241-5277-1

ISBN 978-5-4241-5277-1

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

испытываемое въ данное время, давало возможность другому чело-
вѣку болѣе или менѣе представить себѣ внутреннее состояніе чув-
ствующаго.

Вѣра въ одушевленіе природы позволяла народу сопоставлять са-
мые разнообразные предметы, какъ явленія одного порядка; а срав-
неніе, движимое чувствомъ, находило еще и другіе общіе признаки,
на основаніи которыхъ проводилась полная аналогія между этими
предметами или ихъ представленіями. И это, естественно, вело къ
замѣнѣ одного представленія—внѣшняго или внутренняго—другимъ,
непрямѣнно внѣшнимъ, такъ какъ народъ всегда стремится облечь
мысль въ конкретные образы; взаимное отношеніе этихъ представле-
ній постоянно сознавалось челоѣкомъ,—они какъ бы сливались въ
одну общую, органически связанную картину. Понимая, такимъ обра-
зомъ, символъ, какъ такое внѣшнее представленіе, которое замѣ-
няетъ другое, связанное съ нимъ общіюстью одного или нѣсколь-
кихъ признаковъ, мы не можемъ согласиться съ опредѣленіемъ
Костомарова: онъ разумѣетъ символъ, какъ „образное выраже-
ніе нравственныхъ идей посредствомъ нѣкоторыхъ предметовъ фи-
зической природы, причемъ этимъ предметамъ придается болѣе или
менѣе опредѣленное духовное свойство“ ¹⁾. По развѣ народъ симво-
лизируетъ одиѣ только нравственныя идеи? Вѣдь, самъ Костома-
ровъ нѣсколько ниже говоритъ, напримѣръ: „Береза—также женскій
символъ; она особенно означаетъ замужную женщину“... ²⁾ Говоря
о дубѣ, онъ замѣчаетъ: „въ нѣспіяхъ онъ постоянно означаетъ муж-
чину, преимущественно молодца“ ³⁾. Значитъ, не только нравственныя
идеи символизируются народомъ, и опредѣленіе Костомарова, оче-
видно, не точно. Если мы примемъ во вниманіе ту роль, какую
играетъ вообще чувство при образованіи символовъ въ народномъ
творчествѣ, то будемъ въ состояніи догадаться, какъ произошла его
ошибка: „нравственныя идеи“ неотдѣлимы отъ чувства.

Символизация, само собой разумѣется, свойственна не только на-
родному творчеству: символы встрѣчаются на каждомъ шагѣ и въ
обыденной жизни; только мы такъ привыкли къ нимъ, что не всегда
отдаемъ себѣ въ этомъ отчетъ. Достаточно указать нѣкоторые изъ

¹⁾ Костомаровъ, Историческое значеніе южно-русскаго народнаго нѣспіаго творчества; Вестъда 1872 г., IV кн., стр. 20.

²⁾ Тамъ же, кн. VIII, стр. 25.

³⁾ Тамъ же, кн. VIII, стр. 33.

нихъ: крестъ—символь христіанства; гербъ—извѣстнаго происхожденія; буквы—символы звуковъ и т. п. Символомъ, конечно, можетъ быть и цѣлая картина. Такимъ образомъ, символизация встрѣчается въ весьма разнообразныхъ областяхъ. Разница только та, что въ однихъ случаяхъ она опирается на дѣйствительно существующія психическія свойства человѣка (символика естественная, къ которой относится и народная, вытекающая изъ всего первобытнаго міросозерцанія), а въ другихъ — она бываетъ искусственной, слѣдствіемъ чего является условность ея и понятность только посвященнымъ (таковы буквы современныхъ алфавитовъ). Но всегда при символизации мы видимъ одинъ и тотъ же психическій процессъ, и въ немъ главную роль играетъ, разумѣется, связь, соединяющая оба представленія. Эта связь между двумя образами—символомъ и символизирваемымъ—можетъ быть весьма различна, въ зависимости отъ тѣхъ признаковъ, на основаніи которыхъ дѣлается заключеніе о сходствѣ данныхъ явленій; одинъ и тотъ же образъ можетъ, поэтому, стоять параллельно съ нѣсколькими совершенно разными картинками; напримѣръ, калина въ пѣсняхъ, взятая съ признаками характеризующими ея внѣшній видъ, связывается въ народномъ сознаніи съ картинками свѣтлыми, веселыми и, напротивъ,—съ печальными, если принять во вниманіе горечь ея плодовъ. Съ другой стороны, нѣсколько различныхъ по существу образовъ могутъ соединяться однимъ общимъ признакомъ и, въ силу этого, соответствовать одному и тому же представленію: такъ, ломать, рвать какое-нибудь растеніе (калину, черемуху и др.) значить брать замужъ, свататься, любить. Ниже, при разборѣ отдѣльныхъ образовъ, мы еще будемъ имѣть дѣло съ подобными случаями.

Восходя къ періоду первобытной вѣры человѣка въ одухотворенность природы, символика необходимо должна была отразиться на созданіи нѣкоторыхъ мифовъ; въ самомъ дѣлѣ, какъ продукты болѣе простаго психическаго процесса, символы должны были предшествовать мифическимъ представленіямъ, для которыхъ требуется уже значительное развитіе народной мысли: природа перестаетъ быть живой, но наполняется въ сознаніи человѣка сверхъестественными существами—демонами, одаренными человѣческими свойствами, но со стихійной силой. При разсмотрѣніи отдѣльныхъ поэтическихъ образовъ, мы постараемся, гдѣ возможно, хоть въ общихъ чертахъ, выяснитъ ихъ вліяніе на мифы и обычаи, связанные съ тѣми или другими вѣрованіями и взглядами народа.

Наряду съ параллельными картинами, намъ нерѣдко придется имѣть дѣло съ разнаго рода сравненіями, изъ которыхъ многія очень близко подходятъ къ этимъ параллельнымъ картинамъ-символамъ. Народъ какъ бы начинаетъ отличать себя отъ остального міра и его явленій: возникаетъ мало-по-малу критическое отношеніе къ природѣ, начинается простѣйшій самоанализъ, и мысль человѣка возвращается къ первоначальному психическому акту, лежащему въ основѣ процесса, породившаго символы,—къ акту сравненія. Народъ смотритъ уже на параллели, только какъ на особый видъ сравненій, вслѣдствіе чего онѣ начинаютъ принимать новыя формы. Въ самомъ дѣлѣ, сравненія положительно-отрицательныя представляютъ собою не что иное, какъ символы, при которыхъ прибавлено какъ бы разъясненіе, что ихъ нельзя понимать буквально—слѣдствіе зародившагося критическаго отношенія человѣка къ себѣ и природѣ; примѣровъ разныхъ сравненій приводить здѣсь нѣтъ надобности, но нельзя не отмѣтить одного положительно-отрицательнаго сравненія, облеченнаго въ несовсѣмъ обычную діалогическую форму:

Кто, кто у насъ ягода, кто, кто у насъ вишенка?

Ягода—Аринушка, вишенка—Левововна.

„Сестрицы подруженьки, что я вамъ за ягода,

Что я вамъ за вишенка?

Ягода въ чистомъ полѣ, вишенка въ зеленомъ саду!“ (С., IV, 112).

Что же касается отрицательнаго сравненія, то оно есть сокращенное положительно-отрицательное, въ которомъ отпала положительная часть. Дѣйствительно, только подразумѣвая положительное сравненіе, мы можемъ поставить отрицаніе: иначе какъ отрицать то, чего вовсе не высказывалось и не подразумѣвалось! ¹⁾ Относительно положительнаго сравненія мы должны замѣтить, что будемъ пользоваться имъ въ нашей работѣ только тогда, когда наряду съ нимъ намъ встрѣтятся картины, уже явно носящія символическій характеръ.

Приступая къ разбору символики растений, мы должны принимать самыя серьезныя предосторожности, чтобы не приписать народному творчеству того, чего нѣтъ въ дѣйствительности. И, главнымъ образомъ, при указаніи связи между представленіями, намъ необходимо хорошенько выяснитъ, что это за представленія, и установить, на основаніи какихъ именно признаковъ приводятся они въ связь народомъ:

¹⁾ Отрицаніе предполагаетъ положеніе, по словамъ Потебни („О связи представленій“).

намъ пужно опредѣлить, какое именно растеніе имѣется въ виду и на какія его качества народъ обращаетъ вниманіе въ данномъ случаѣ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, придется указать эти признаки и въ томъ образѣ, символомъ котораго является рассматриваемое растеніе.

Деревья и кустарники.

Калина ¹⁾ въ народныхъ произведеніяхъ очень часто сопоставляется съ дѣвushкой:

Хвалилась валина,
За рѣчкою стоя:
„Никто меня не срубить“...
Хвалилась Александра,
У батюшки сядя:
„Никто меня не возьметъ“... (Ш., 2071).

Повидая любимую дѣвushку, молодецъ садитъ „у мялой во садочку“ калину:

„Расти, расти, калиничка—
Въ гору—не патайся!
Живи, милая ты дома,
Живи, не печалься“ (Ш. 757).

Вышедшую замужъ дѣвushку спрашиваютъ въ пѣснѣ:

„Съ бѣмъ ягоды рвала,
Калину ломала?“ (Ш., 2121).

По свадебнымъ пѣснямъ конь жениха ломаетъ въ зеленомъ саду „свѣты лазоревые и калину со малиной“... (Ш., 1837). „Ломать“, „заламывать“—это образъ, повторяющійся, какъ мы увидимъ ниже, и при многихъ другихъ растеніяхъ.

Въ связи съ калиной нужно указать, и на „калино-

¹⁾ Пѣсни, которыя нѣлись въ виду, при разборѣ образовъ, касающихся калины, а также и малины: *Шейнъ*, №№ 309, 321, 358, 364, 373—375, 410, 411, 428, 435, 450, 451, 458, 465, 472, 492, 555, 561, 584, 589, 610, 726, 737, 757, 764, 784, 820, 852, 900, 1079, 1147, 1153, 1182, 1183, 1206, 1238, 1241, 1247, 1279, 1367, 1517, 1763, 1818, 1837, 2071, 2122, 2282, 2321, 2438; *Соболевскій*: т. I, №№ 52, 65, 92, 96, 103, 123; II—6, 8, 48, 82, 113, 141, 150, 221, 262—264, 322, 323, 326, 365, 366, 504; III—19—21, 222, 256, 432; IV—388 и др.; V—45, 46, 498, 516, 555 и другія.

вые мосты“, которые такъ часто упоминаются въ нашихъ пѣсняхъ: дѣвушка гонитъ свою овечку за рѣку, „за калиновъ частый мостикъ“, и тутъ происходитъ свиданіе влюбленныхъ (С., II, 48). По калиновому мостику дѣвица ходитъ къ милому:

„Калинъ мостикъ мостила;
И ко милому ходила“ (III., 1153).

Но счастье не всегда улыбается влюбленнымъ; оно нерѣдко идетъ рука объ руку съ горемъ: „калинъ мостикъ обломился“, и „милый потонулъ“; а дѣвица закликаетъ рѣку вернуть ей ея друга (III., 737). Страніе калиноваго моста сопоставляется съ концомъ дѣвичьей свободы и сватовствомъ старика (С., IV, 385).

Гораздо чаще калина упоминается вмѣстѣ съ малиной, но и въ этомъ случаѣ картины остаются почти тѣ же. Цѣлый рядъ хоровыхъ и плясовыхъ пѣсенъ имѣетъ припѣвъ—„калина моя, малина моя!“—съ тѣми или другими его видоизмѣненіями. Указывать всѣ или хоть нѣкоторыя пѣсни съ такимъ припѣвомъ нѣтъ надобности, такъ какъ иногда припѣвъ не имѣетъ ничего общаго съ самымъ содержаніемъ пѣсни. — Вода заликаетъ калину-малину — кончается дѣвичество, и начинается жизнь замужемъ „на чужой сторонункѣ“, „во лихой семьѣ“ (С., III, 19 — 21):

Калинушку съ малинушкой водой залико,—
На ту пору матушка меня родила.
Не собравшись съ разумомъ замужъ отдала (III., 852).

Тотъ же мотивъ повторяется во многихъ другихъ пѣсняхъ, но съ нѣскольکو иной символической картиной:

Не въ пору во времячко калина зрѣла;
На ту пору-времячко мати меня родила.
Не собравшись съ разумомъ, замужъ отдала (С., III, 22).

Или:

Калинушка съ малиною
Ранешенько расцвѣла,—
На ту пору матушка
Меня замужъ отдала (III., 1238).

Осыпавшаяся калина—покинутая милымъ дѣвушка:

Не созрѣвши, калинушка осыпалась,
Осыпалась, пересыпалась...
Передъ молодцемъ красна дѣвица состарилась,
Состарилась, перестарилась... (С., II, 82).

Иногда въ пѣсняхъ встрѣчается и одна малина; подобно калинѣ ея сажаютъ подъ окномъ горящей дѣвушки:

Рости, рости, моя малинушка,
Рости, рости, да ты не шатайся!
Да живи, живи, моя сударушка,
Живи, живи, да ты не печалься! (С., V, 516).

Ниже мы увидимъ, что не только дѣвичье состояніе сопоставляется съ калиной и малиной; но все же это наиболѣе частый случай, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ калинѣ; ея образъ, очевидно, подъ вліяніемъ своей прочной ассоціаціи съ представленіемъ дѣвчества, сохранился не только въ пѣсняхъ: мы его находимъ и въ одномъ свадебномъ обычаѣ, извѣстномъ подъ именемъ „Калинки“. Вотъ какъ описываетъ Даль въ своемъ „Словарѣ“ этотъ обычай: „Калинку ломать (1), свадебный обычай: на столѣ у молодыхъ окорокъ и штофы вина, загнутый *пучкомъ калины съ алой лентой*; молодые подымаютъ и идетъ потчиваніе, обходятъ по домамъ родителей невесты, родичей, поѣзжанъ, а воротясь, дружка рушитъ окорокъ и, *расципавъ калину*, разноситъ вино“. А въ одной пѣснѣ дѣвушка прямо говорить:

Миновалась моя дѣва красота
Какъ со калиной, со малиною,
Съ черной лгодой смородиною (С., II, 113).

Нѣсколько въ иномъ видѣ происходитъ, по Шейну, „Калинка“ въ Оренбургской губерніи: здѣсь на другой день послѣ вѣнца къ молодымъ снова являюся гости и узнаютъ, „какъ живы-здоровы“ новобрачные; происходитъ „честный судъ“ надъ дѣвственностью молодой, и, если оказывается, что она непорочна, ея родителей чествуютъ, при чемъ угощаютъ „*калиновою* настойкой“; въ противномъ же случаѣ, подаютъ „простое вино“ въ дырявыхъ рюмкахъ ¹⁾). Въ Курской губерніи рубашку молодой, какъ свидѣтельница ея дѣвственности, называютъ „*калиной*“ ²⁾). Этотъ обычай еще разъ подтверждаетъ, что, дѣйствительно, образъ калины соединялся въ сознаніи народа съ представленіемъ дѣвственности. Отсюда понятно, что и самая пирушка была названа „калинкой“, — это какъ бы тризна надъ утраченной съ замужествомъ дѣвственностью: на свадьбѣ какъ бы хоро-

¹⁾ Шейнъ, Великорусь, стр. 754.

²⁾ Тамъ же, стр. 630.

нять калину, по словам Потебни ¹⁾). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ калина замѣняется цвѣткомъ, воткнутымъ въ „курникъ“: при подтвержденіи цѣломудренности невѣсты, „цвѣтокъ съ курника ловко шпобаютъ ножомъ“ ²⁾).

Въ цѣломъ рядѣ другихъ пѣсенъ съ калиной сопоставляется молодая женщина:

Кликали калину
Во нять голосочковъ:
Первый же голось —
Да свекровь кличетъ и т. д. (Ш, 450).

Въ другой пѣснѣ поется:

Прекрасное наше дерево калина!
Сокрасила калинушка два луга,
Два луга, третью зелену дубраву.
Прекрасная наша Гапуля!
Сокрасила Гапуля два дома:
Первый-то домъ свекровь и т. д. (Ш., 2122).

Или еще въ одномъ мѣстѣ:

А у лузи соловейко
Да калинуу клюеть,
А лютый свекорко
Да невѣстѣу журить... (Ш., 1183).

Мы уже не находимъ здѣсь на ряду съ калиной малины; онѣ даже противопоставляются въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ одна другой; житье у свекра сравнивается съ житьемъ въ родномъ домѣ:

Ой сѣла всрона
На калиновомъ кустѣ.
Ой горько мнѣ, горько
Калиницу клевати.
— „Ой куда мнѣ худо
У свекорки жити“....
Ой, сладко мнѣ, сладко
Малиницу клевати.
Ой сладко мнѣ, сладко,
У батюшки жити (Ш., 1182).

Или:

Росла въ саду ягода, все калина со малиной:
Не быть той калинушки сопроти ягоды малины.
Не быть чужому батюшкѣ сопроти своего родимова (Ш., 1818).

¹⁾ Потебня: „О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи“.

²⁾ Шейнъ, стр. 714, 2 стб.

Горечь калины сопоставляется и съ другими невзгодами замужней жизни:

„Какова горька да калинка, —
 Таково мнѣ, молоденькѣ,
 Со старымъ-то мужемъ жити“.
 — „Какова сладка малинка, —
 Таково мнѣ, молоденькѣ,
 Со младымъ мужемъ жити“ (С., II, 368).

Разлука съ любимымъ человѣкомъ тоже сравнивается съ горечью калины:

Какова горька да калина, —
 Таково разставанье съ милымъ... (С., II, 369).

На калинѣ сидитъ кукушка и печально кукуетъ:

Не пора ли тебѣ, залетная, перестати?
 Молодушка молодца не полно-ль тебѣ тужить—плакать? (С., V, 45).

Калинникъ бываетъ иногда мѣстомъ преступленія: сюда бросаетъ убійца князь Романъ тѣло своей жены (С., I, 92). Калиновые мосты тоже дѣлаются свидѣтелями сцены убійства (С., I, 96). Жена, видя, что мужъ хочетъ ее убить, проситъ не губить ее въ „длйкой степи“, а — „подъ мостикомъ подь калиновымъ“ (С., I, 103).

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ пѣсняхъ мы видимъ, что представленіе калины связывается съ представленіемъ женщины, но есть случаи, какъ будто противорѣчащіе этому:

Въ глѣсѣ калина
 Красна хороша.
 Краше того Иванъ молодець (III, 1517).

Но еще по одной этой пѣснѣ нельзя сдѣлать никакого заключенія. Въ самомъ дѣлѣ, во-первыхъ, тутъ можетъ быть простое сравненіе, котораго одного еще недостаточно, чтобы заключать о символическомъ значеніи; а во-вторыхъ, это—пѣсня свадебная, и въ ней подь калиной легко можетъ разумѣться невѣста, съ которой сравнивается женихъ. Несовсѣмъ обычнымъ является слѣдующее мѣсто въ одной пѣснѣ:

Какъ клонилася калина
 Къ сладкой ягодѣ малинѣ.
 Сбиралась сестрица
 Ко родному братцу въ гости (С., III, 222).

Интересна также пѣсня, въ которой молодая женщина говоритъ о своемъ старомъ, нелюбимомъ мужѣ:

Еще я ль, молодешенька, не любилвала,
Еще въ тѣхъ за малиною не хаживала,
Я стара мужа малиною не кармивала (С., V, 438).

Такое же начало мы находимъ въ пѣснѣ, повѣствующей объ удрученіи мужа женой совмѣстно съ любовникомъ (Ш., 900).—Таковы въ краткихъ чертахъ тѣ образы, которые связываются съ калиной-малиной.

Подъ именемъ калины народъ разумѣетъ *Viburnum Opulus* ¹⁾. Но и *Viburnum Lantana* въ польскихъ областяхъ называется калиной, а въ Малороссіи „черной калиной“; называютъ ее также „гордовинной“. Въ великорусскихъ пѣсняхъ постоянно упоминается „красная“ (Ш., 1517), „жаркая“ (С., III, 432), „червоная“ (С., V, 555) калина; ея цвѣтъ сближается съ огнемъ: „огонь горитъ калиновый, дымокъ валитъ малиновый“, т. е. освѣщенный пламенемъ костра (С., I, 123). Можетъ быть, самое названіе калины происходитъ отъ тѣхъ представлений, которыя связывались съ огнемъ: калить, раскалить, — въ одной пѣснѣ „калина“ значить раскаленіе (С., I, 65 стр. 112). Очевидно, это—калина *Viburnum Opulus*, у которой спѣлые плоды имѣютъ красный цвѣтъ. У *Viburnum Lantana* они бываютъ красными, пока еще не созрѣли, а потомъ становятся черными: этого народъ не могъ бы не отмѣтить, но крайней мѣрѣ, въ одной пѣснѣ. Но почему же представленіе калины стало ассоціироваться съ представленіемъ дѣвушки? Потѣбля совершенно справедливо указываетъ, что къ этому повело сходство признаковъ: красавица, дѣвица красная и красная калина, очевидно, имѣютъ, по меньшей мѣрѣ, одинъ общій признакъ, который отразился и въ самомъ языкѣ. Если мы примемъ во вниманіе еще и то, что дерево представлялось народу существомъ живымъ и что калина имѣетъ бѣлые цвѣты, а бѣлизна, какъ отмѣчаютъ нерѣдко пѣсни, является и качествомъ дѣвушки („ростомъ величка, бѣла, круглоличка“—С., IV, 767, 770),—то мы легко поймемъ, какъ могла возникнуть въ народномъ сознаніи связь между представленіемъ дѣвушки и представленіемъ калины. Отсюда уже потомъ произошло расширеніе символическаго значенія: оно распростра-

¹⁾ При опредѣленіи растеній, имѣлись въ виду слѣдующія пособія: *Линенковъ*; *Ботаническій словарь*; *Гобманъ*, *Ботаническій атласъ по системѣ де Кандоли* *Э. Пестеля*, *Для ботаническихъ экскурсій* и *Словарь Даля*.

нилось какъ на разныя проявленія дѣвичьей жизни, такъ и вообще на женщину. Но участь женщины была далеко не завидная, и калина стала связываться иногда и съ печальными сторонами женской жизни; этому, конечно, способствовало свойство ея плодовъ—горечь, которую народъ неоднократно отмѣчаетъ въ пѣсняхъ. Горе, горькая доля, „горькая“ дѣвушка, въ смыслѣ несчастная (Ш., 2020 и др.), и горькая калина, и такъ уже обозначающая женщину, должны были вступить въ народномъ сознаниі въ прочную связь. А тутъ еще рядомъ сладость малины; каждый знаетъ, что калина любитъ ютиться въ сырыхъ заросляхъ по берегамъ рѣкъ и ключей, гдѣ во множествѣ растутъ и малина (*Rubus Idaeus*), имѣющая съ ней много общаго въ окраскѣ плодовъ и цвѣта. Вмѣстѣ онѣ появляются и въ садахъ, да и самыя ихъ названія, различающіяся только однимъ звукомъ, не могли не оказать вліянія на ихъ соединеніе вмѣстѣ. Но сладость ягодъ малины не допустила ея сдѣлаться печальнымъ образомъ, подобно калинѣ.

Черная смородина ¹⁾ (*Ribes nigrum*) очень часто встрѣчается вмѣстѣ съ калиной и малиной, и эта совмѣстность дѣлаетъ ея значеніе неяснымъ и сбивчивымъ. Приведенный выше отрывокъ пѣсни объ утратѣ дѣвичьей красоты „со калиной, со малиною, со черной ягодой смородиною“ повѣствуетъ дальше о неудачномъ замужествѣ (С., II, 113). Въ другой пѣснѣ дѣвушки идутъ въ лѣсъ за этими тремя ягодами:

Всѣ дѣвушки понабралися...
Одна дѣвушка не набралася,
Одна красная не наѣлася—
Подъ сырымъ дубомъ все проплакала:

она жалуется на свою тяжелую жизнь у мачехи (С., II, 8). Въ подблюдныхъ пѣсняхъ черная смородина тоже встрѣчается рядомъ съ калиной и малиной (Ш., 1079). Въ одной изъ нихъ есть интересное замѣчаніе:

Паль, паль перстень,
У калину, у малину,
У черную смородину.
Смородина не ягода,
Смеринъ (смердинъ) сынь, не баръ сынь... (Ш., 1078).

И въ связи со смородиной мы встрѣчаемъ уже знакомый образъ „за-

¹⁾ Ш. 609, 720, 740, 851, 1078, 1079, 1602, 1763, 1807, 1837; С. — I, 90, 92, 280; II, 6, 8, 57; III, 113; V, 99 и др.